

«УТВЕРЖДАЮ»
Ректор ФГБОУ ВО «Воронежский
государственный педагогический
университет», доктор исторических
наук, профессор

С.И. Филоненко

«16» июня 2026 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации – федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Воронежский государственный педагогический университет» – о диссертации Хмуркина Георгия Георгиевича «Уровень насильственной смертности среди белых священнослужителей Русской Православной Церкви в первые революционные годы (1917–1926 гг.)», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история

В начале XX века Русская Православная Церковь столкнулась с одним из самых серьезных в своей истории испытаний. В ходе революционных событий и последовавшей за тем Гражданской войны верующие миряне, а также священно-и церковнослужители оказались в центре трагических событий, охвативших страну. Большевистская власть открыто именovala себя атеистической, призывая начать масштабное очищение строящегося социалистического общества от прежних «религиозных предрассудков» и, как им казалось, «отживших» духовных устоев. Между верующими и новыми властями происходили открытые столкновения. В Воронеже, к примеру, в 1918 г. из пулемета был открыт огонь по крестному ходу, что шокировало церковную общественность всей страны. Целый ряд служителей алтаря прославлен в сонме новомучеников и исповедников российских.

Между тем из-за бурных событий революционного времени, жестокости, а также по причине страха за жизнь распространялись самые разнообразные слухи, порой приводившие к возникновению ложных представлений о судьбе православных пастырей. Ярким тому примером может послужить личность священномученика Тихона (Никанорова). В его официальном житии говорится, что он был повешен большевиками на воротах Акатова монастыря в Воронеже, тогда как после публикации воспоминаний его келейника, протоиерея Иоанна Житяева, стало понятно, что архипастырь умер от тифа.

Так каким же оказался масштаб антицерковных гонений в первое десятилетие советской власти, сколько клириков подверглось физическому устранению, каковы реальные цифры? Эти вопросы сегодня являются одними из наиболее дискуссионных в современной исторической науке. Поиску ответа на них как раз и посвящена диссертация Георгия Георгиевича

Хмуркина «Уровень насильственной смертности среди белых священнослужителей Русской Православной Церкви в первые революционные годы (1917–1926 гг.)».

Актуальность темы не вызывает никаких сомнений. В современной науке высказываются самые противоположные оценки масштабов преследования верующих. Некоторые историки, очевидно руководствуясь определенной конъюнктурой и своими субъективными убеждениями, практически отвергают сам факт гонений, иные называют невероятные цифры – сотни тысяч казненных за веру служителей алтаря. Прояснить этот важный вопрос и призвана представленная к защите работа.

В структурном отношении диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и литературы, а также семи приложений.

Во введении автор формулирует цель, задачи, анализирует научную литературы по исследуемой теме, обозначает хронологические и территориальные рамки исследования, а также раскрывает привлеченные источники.

Обосновывая хронологические рамки, автор пишет, что нижняя граница – начало 1917 г. – «связана с революционными событиями, которые поставили РПЦ в принципиально новые условия» (с. 7), а верхняя – конец 1926 г. – «обусловлена двумя обстоятельствами». Под обстоятельствами в диссертации подразумеваются «Декларация» митрополита Сергия (Страгородского) и «ценный источник» – материалы Всесоюзной переписи населения, которая, по словам соискателя, «дала во многом уникальные статистические данные по духовенству» (с. 8).

Если по нижней границе вопросов не возникает, то аргументация верхних рамок не выглядит убедительной. Диссертант утверждает, что «на протяжении всей советской истории установленная «Декларацией» линия официальных церковных властей не подвергалась существенным коррективам, хотя и вызвала ряд расколов» (с. 8). Так что же из этого? Декларация никоим образом не уменьшила давление на верующих со стороны государства, но, наоборот, усилила. Нарушавшие, как будет принято тогда говорить, социалистическую законность сотрудники ОГПУ, пользовались этим документом как поводом, обвиняя в нелояльности к советской власти тех духовных лиц, кто отказывался следовать «Декларации» не только по политическим, но и по каноническим причинам. Более того, пик репрессий пришелся как раз на годы после 1926 г. и многие из тех, кто в 1920-е годы получал сроки тюремного заключения, в 1930-е будут расстреляны.

Смущает, откровенно говоря, и название диссертации «Уровень насильственной смертности... в первые революционные годы (1917–1926 гг.)». Сегодня, действительно, называют (хотя это и приводит к дискуссиям) революцией годы с 1917 по 1922, но именовать революцией целое десятилетие в научной литературе все же не принято. Разумнее было бы использовать в названии диссертации выражение «в первое десятилетие советской власти».

Проведенный обзор историографии показывает, что диссертант уверенно ориентируется в теме, владеет данными как эмигрантской, советской, так и современной отечественной науки.

Безусловным достоинством диссертации является ее фундаментальная источниковая база, состоящая из неопубликованных делопроизводственных материалов, опубликованных документов, материалов периодической печати (центральной и региональной), документов личного происхождения (опубликованных и неопубликованных мемуаров и дневников) (с. 24).

Основу источниковой базы составили материалы 8 архивов, таких как Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный исторический архив, Центральный архив Федеральной службы безопасности, Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области, Государственный архив Тверской области, Центральный архив Нижегородской области, Центральный государственный архив Удмуртской республики.

Однако справедливости ради следует отметить, что, если центральные архивы проработаны автором неплохо, то региональные, по сути, привлекаются формально. В диссертации используются всего лишь по одному делу из каждого регионального архивохранилища, что, конечно, не позволяет соискателю увидеть полную картину на местах (с. 257–258).

Автор подробно и исчерпывающе характеризует привлекаемые источники, аргументированно обосновывает их достоинства и недостатки, демонстрируя профессиональные навыки работы с документами (с. 24–45).

Что касается новизны исследования, то она, как совершенно справедливо указывается в тексте (с. 45), не вызывает сомнений. Диссертация Г. Г. Хмуркина, действительно, впервые в отечественной историографии комплексно освещает сложную проблему осмысления масштаба преследований православных приходских клириков в первое десятилетие советской власти.

Положения, выносимые на защиту, сформулированы ясно и логично. Однако все же второе положение, утверждающее, что «математическая модель Н.Е. Емельянова, опирающаяся на информацию Базы данных «За Христа пострадавшие», имеет существенные недостатки», а «итоговые абсолютные цифры притеснений, получаемые методом Н.Е. Емельянова, могут значительно отличаться от реальных – быть как заниженными, так и завышенными, причем в разы, в десятки и сотни раз, что не позволяет использовать их в научных работах как достоверные» (с. 47), на наш взгляд, звучит несколько странно для защиты в диссертационном совете по историческим наукам. Анализ адекватности именно математической модели разумнее было бы предложить ученым-математикам, а не историкам.

Третье положение, а именно та его часть, которая гласит, что «в период с начала 1917 по конец 1926 г. на территориях, которые к концу 1926 г. входили в состав СССР, погибло не более 1,6 тыс. белых священнослужителей РПЦ» (с. 48), явно противоречит одному из выводов

диссертации, озвученных в заключении. В заключении работы Г. Г. Хмуркин пишет: «Точное (и даже приблизительное) количество погибших в рассматриваемые годы белых священнослужителей РПЦ по-прежнему неизвестно» (с. 250). После прочитанного возникает вполне резонный вопрос: так все же число погибших было не более 1,6 тыс., или же точное и даже приблизительное их количество до сих пор неизвестно?

Автор верно отмечает: «Не все архивные документы доступны, не по всем регионам проведены соответствующие исследования» (с. 254). Тогда возникает вопрос, каким же образом можно утверждать, что в период с 1917 по 1926 гг. погибло не более 1600 белых священнослужителей, если исходные данные, привлекаемые для модели расчета, пусть и более совершенной, чем использованная ранее Н.Е. Емельяновым, до сих пор остаются закрытыми?

Как уже было сказано выше, структура работы вполне логична и последовательна. Первая глава диссертации «Насильственная смертность среди белых священнослужителей РПЦ в 1917–1926 гг.» раскрывает проблему масштабов насильственной смерти среди духовенства РПЦ посредством анализа современной и очень популярной в церковной среде базы данных «За Христа пострадавшие». Несколько неуместным выглядит в этой главе еще один анализ историографии проблемы (с. 51–78). Возможно, его в несколько укороченном виде следовало дать в рамках общего обзора литературы во введении.

После скрупулезного анализа базы «За Христа пострадавшие», выявления ее достоинств и недостатков, диссертант приступает к собственным вычислениям, заранее предупреждая читателя о том, что «никакими прямыми, исчерпывающими и достоверными данными о числе погибших этой категории в указанный период исследователи не располагают» (с. 97). На наш взгляд, автор совершенно корректно поступает, подчеркивая это, прямо говоря ученому сообществу, что его попытка выявить масштаб репрессий против приходского духовенства является лишь попыткой, а не истиной в последней инстанции. Между тем, он также обоснованно отмечает и то, что попытки анализа рассматриваемой проблемы, даже несмотря на отсутствие полноценного объема источников, очень важны, ведь они позволяют историкам сориентироваться во множестве публикуемых сегодня противоречивых оценок.

Модель вычисления, предложенная в работе, основана на привлечении математических методов (с. 97). Формулы, приведенные автором, а также осуществленные им расчеты выглядят вполне убедительно, однако подтверждают его же ранее озвученный тезис: необходимость использования математических вычислений является следствием отсутствия точных данных о масштабе репрессий.

Вторая глава диссертации «Количественные итоги репрессий в отношении белых священнослужителей РПЦ в 1917–1922 гг.» рассматривает оценки масштаба репрессий на примере определенных событий: красного террора в Петрограде, Гражданской войны на Юге России и кампании по изъятию церковных ценностей.

Хочется отметить умелое сочетание соискателем методов исторического исследования. Так, где Г.Г. Хмуркин располагает документальными сведениями, он оперирует ими, так, где информация отсутствует или сильно фрагментирована, привлекает собственную модель вычисления.

Отдельное внимание в главе уделяется развенчанию распространенных мифов о некоторых трагических событиях в истории Церкви. В частности, автор касается обстоятельств расстрела 550 духовных лиц в Петрограде в 1918 г. Соискатель подвергает сомнению указанные цифры пострадавших и делает это, на наш взгляд, справедливо и аргументированно. Как пишет диссертант, если «информация о 550 расстрелянных соответствует действительности, то в 1918 г. ПетрогубЧК казнила 36%» от наличного состава духовенства (с. 155), то есть каждого третьего клирика епархии. Что, действительно, выглядит не вполне правдоподобным.

Анализируется в главе и компания по изъятию церковных ценностей. Тема является на сегодняшний день не до конца изученной ввиду того, что часть документов (к примеру, ГАОПИ ВО) остаются до сих пор засекреченными. Соискатель вступает в дискуссию с некоторыми церковными историками, например, с А. Нечаевым, утверждающим, что «несмотря на то, что имеющаяся в распоряжении исследователей информация по репрессированным в 1922 г. не является исчерпывающей, уже сейчас можно с уверенностью говорить, что авторы, ограничивающие количество приговоренных к смертной казни несколькими десятками человек, много более близки к истине, нежели исчисляющие жертвы несколькими тысячами» (с. 233).

Диссертант скрупулезно анализирует практически все, ранее озвученные историками цифры пострадавших клириков в период проведения компании по изъятию церковных ценностей, и приходит к выводу о необходимости их корректировки ввиду ненадежности источников (с. 247).

Безусловно, данный вывод звучит вполне обоснованно, ведь многие документы до сих пор закрыты. Тем не менее именно по этой же причине сложно согласиться со следующим выводом автора: «Общее число белых священнослужителей, погибших в ходе кампании по изъятию церковных ценностей, не превышает 79 чел. (надежность оценки – более 90%)». (с. 247).

Делать вывод о надежности оценки в 90 % числа погибших клириков, заведомо понимая, что документы о событиях до сих пор засекречены, представляется необоснованным.

В заключении работы автор формулирует выводы. Следует заметить, что их формулировка несколько смягчает категоричность основного текста и выносимых на защиту положений. «Разумеется, данная работа не является исчерпывающей. Она лишь призвана стать посильным вкладом в изучение сложной, многоаспектной проблемы революционного насилия», – справедливо констатирует в заключении диссертант (с. 254).

В целом, несмотря на высказанные замечания, впечатление от представленной диссертации очень положительное. Объем привлеченных

